
МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЗАПАДЕ – 50 ЛЕТ!

50th ANNIVERSARY OF THE YOUTH REVOLUTION ON THE WEST!

УДК 316.334.3 (44)

50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВЕРСИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, УРОКИ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
ул. Фучика, 15, 192238, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассмотрены предпосылки, этапы и результаты молодежной революции. Описаны важнейшие социально-психологические факторы и формы выражения молодежного протеста. Проанализировано фундаментальное противоречие между гуманистическим пафосом революции и огромными социальными рисками в отношении несущих конструкций общества. Молодежная революция 1968 г. рассмотрена как глобальный культурный проект, отрицающий «старую» культуру. Постмодерн и неолиберальная модель капитализма обоснованы как основные итоги «молодежной революции».

Ключевые слова: молодежная революция; социальный протест; антибуржуазный пафос; постмодерн.

Образец цитирования:

Запесоцкий А. С. 50-летний юбилей молодежной революции: версии, результаты, уроки // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 105–112.

For citation:

Zapesotski A. S. 50th anniversary of the youth revolution: versions, results, lessons. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 105–112 (in Russ.).

Автор:

Александр Сергеевич Запесоцкий – член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор; ректор.

Author:

Alexander S. Zapesotsky, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, academician of the Russian Academy of Education, doctor of science (culturology), full professor; rector.
info@gup.ru

50th ANNIVERSARY OF THE YOUTH REVOLUTION: VERSIONS, RESULTS, LESSONS

A. S. ZAPESOTSKI^a

^a*Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
15 Fuchik Street, Saint Petersburg 192238, Russia*

The article deals with the prerequisites, stages and results of the youth revolution. The most important socio-psychological factors and forms of youth protest expression are described. The fundamental contradiction between the humanistic pathos of the revolution and the huge social risks in relation to the bearing structures of the society is analyzed. The youth revolution of 1968 is considered as a global cultural project, denying the «old» culture. The postmodern and neo-liberal model of capitalism is justified as the main results of the «youth revolution».

Key words: youth revolution; social protest; anti-bourgeois pathos; postmodern.

Хроника событий

В мае 2018 г. мир вспоминал события полувекской давности – так называемую майскую (молодежную) революцию 1968 г., начавшуюся со студенческих беспорядков во Франции, которые впоследствии захватили практически весь западный мир и в итоге привели к существенному изменению общества.

Инициаторами протестных социальных действий оказалась молодежь – на то время самая активная и пассионарная часть общества, ядро которой составила элитарная группа студентов университета Сорбонны.

Хроника тех событий способна поразить воображение и сегодня. Студенческие беспорядки, которые в 1968 г. начинаются в Сорбонне и Нантере, стремительно переходят в массовые демонстрации и всеобщую многомиллионную забастовку. В нескольких городах 8 мая проходит первая стачка под лозунгом *Студенты, рабочие и учителя – объединитесь!*, участники которой с воодушевлением поют Интернационал. Однако студенты этим не ограничиваются, они начинают захватывать университеты, строить баррикады, инициировать ожесточенные уличные столкновения, вынуждающие полицию предпринимать ответные действия.

Число раненых с обеих сторон достигает нескольких тысяч. К 20 мая число бастующих вырастает до 10 млн чел. Их поддерживают профсоюзы, которые поднимают рабочих на захват крупных предприятий. Бастуют телеграфная, телефонная, почтовая службы, работники общественного транспорта. На заводах возникают комитеты самоуправления и комитеты действия, которые выходят

из-под контроля профсоюзов, в провинциальных городах рабочие комитеты бесплатно распределяют слабообеспеченным категориям товары и продукты.

Власть 25 мая 1968 г. инициирует трехсторонние переговоры, в которых участвуют правительство, профсоюзы и Национальный совет французских предпринимателей. Однако Всеобщая конференция труда не поддерживает полученные договоренности и продолжает забастовочное движение. Социалисты организуют грандиозный митинг, осуждая позицию профсоюзов и президента страны и требуя создания Временного правительства.

В ответ власти применяют силу, в результате чего ночь с 24 на 25 мая получила название «кровавая пятница». Шарль де Голль 30 мая объявляет о роспуске Национального собрания и проводит реорганизацию правительства. Параллельно правительство, профсоюзы и предприниматели ведут переговоры с бунтовщиками, достигая определенного согласия по некоторым позициям.

С середины июня власть переходит в наступление: запрещены радикальные группировки, от бунтовщиков очищены Сорбонна и другие университеты, а также промышленные предприятия. В конце июня проходят парламентские выборы, по итогам которых сторонники де Голля побеждают с большим преимуществом: средний класс дружно проголосовал за лидера страны и его курс. Однако по всему миру уже пошло самовозгорание мятежного духа – «молодежная революция» Франции спровоцировала аналогичные процессы во многих странах Европы и США¹.

Версии протеста

Парадокс этой революции состоит в том, что студенческий бунт и последующие волнения во

Франции, по сути, не были спровоцированы ухудшением жизненных условий. Западный мир того

¹В частности, эти события дали старт «пражской весне», встревожившей лидеров и идеологов коммунистического блока. Возможно, в силу этого обстоятельства прокатившаяся тогда по всему миру волна революционных протестов не была поддержана официальными компартиями. Более того, коммунистические институты не просто отказывались возглавить движение, но и активно боролись с ними (например, в Чехословакии).

периода переживал экономический подъем, который сопровождался снижением безработицы, повышением качества жизни, идейной стабильностью социума и бескризисным функционированием общественных институтов. Конечно, присутствовали и отдельные провоцирующие социально-экономические обстоятельства, но в данном случае они не играли существенной роли.

Франция под руководством Шарля де Голля, спасшего ранее честь страны от позора коллаборационизма с германскими фашистами, в тот момент совершает мобилизационный рывок в рамках концепции догоняющего развития.

Промышленный рост в этот период потребовал новых инвестиций в производство и сверхурочной работы, в результате чего 40-часовая рабочая неделя к середине 1960-х гг. выросла до 45 часов. Однако рабочий класс чувствует себя сравнительно комфортно в ситуации относительного материального благополучия. Демографический взрыв послевоенных лет усложняет выходцам из малообеспеченных семей получение высшего образования, но при этом расходы государства на образование растут. В целом ситуация в стране выглядит неплохо.

Истоки молодежной революции социологи усматривают в совсем другой плоскости. Прежде всего обнаруживает себя антибуржуазный пафос протеста, о чем свидетельствует организованный студентами за несколько месяцев до майских событий 1968 г. многотысячный митинг против правительственного курса в сфере образования, который стихийно перерос в митинг памяти Че Гевары. Лозунгами стали протесты: *Че-герой, буржуазия – дерьмо! Смерть капиталу, да здравствует революция!*

Характерно, что протестный пафос студенчества возникает на фоне спада революционного движения в Европе и Северной Америке, который связан с ростом производства и повышением благосостояния рабочего класса, большая часть которого, развращенная обществом потребления, становится рабочей аристократией и неплохо чувствует себя в капиталистическом обществе. Руководство коммунистических партий в этой связи отказывается от революционного преобразования мира, переориентируясь на частичные реформы, работу в местном самоуправлении и профсоюзах, создание «антимонополистической демократии», которая должна предшествовать этапу социалистической революции (не случайно руководство КПСС того времени берет курс на мирное сосуществование с империализмом)².

В этом контексте оказывается, что идеология «молодежной революции» акцентирует внимание не на экономических, а нравственных, духовных факторах. В определенной степени протестные действия становятся формой выражения нежелания масс мириться с отсутствием плюрализма идей относительно перспективных сценариев развития общества, протестом (не всегда осознаваемым) против духовного застоя. Бунт «новых» левых – это реакция на убожество жизненных приоритетов буржуазии, политический оппортунизм и теоретический догматизм «старых» левых. На этом фоне создаются альтернативные действующим компартиям марксистские организации – «новые» левые конца 1960-х гг., которые приходят на смену «обуржуазившемуся» пролетариату. Впервые в мировой истории протест возымел гуманистическую основу.

Однако гуманистический вектор пассионарного всплеска и его романтика практически сразу начинают использоваться другими заинтересованными лицами и совсем в иных целях.

Во-первых, революцию пытается оседлать часть политической элиты, недовольная политикой Шарля де Голля. Глава государства в то время выступает с идеей «Европа от Атлантики до Урала» и говорит о грядущем политическом союзе стран Европы и дружбе с Советским союзом как об альтернативе «англосаксонской» НАТО. Рискуя многим, он в публичном пространстве исключает Великобританию из состава Европы и препятствует ее вступлению в общий рынок, требует вывода французского корпуса из подчинения НАТО и штаба НАТО из Франции. Официальная позиция Франции в международной политике становится резко антиамериканской: генерал осуждает действия Израиля в Шестидневной войне в 1967 г. и Вьетнамскую войну. В 1966 г. республика выходит из военной организации НАТО, оставаясь участницей Североатлантического договора. Другой вызов «большому брату» состоял в том, что в феврале 1965 г. генерал объявил об отказе от использования доллара в международных расчетах и о переходе на единый золотой стандарт. Такого своеволия «большой брат» генералу простить не мог.

Во-вторых, лозунги протестующих содержат очевидный антибуржуазный контекст. Приведем некоторые из них: *Революция должна произойти до того, как она станет реальностью. Никогда не работай! Нельзя влюбиться в природу промышленного производства! Запрещается запрещать! Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем; Анархия-это я. Человечеству не*

²Французская коммунистическая партия с первых дней массовых выступлений также не поддерживала бунтарей, заявив, что левые радикалы, анархисты и псевдореволюционеры мешают студентам сдавать экзамены (Экспорт революции / С. Кара-Мурза [и др.]. М. : Алгоритм, 2005. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergeri/karamurza_sergeri_yeksport_revolucii_yushenko_saakashvili/ (дата обращения: 16.03.2018)).

видать счастья, пока последнего капиталиста не задушат кишкой последнего бюрократа!³ [1].

Однако тематика лозунгов в неменьшей степени свидетельствует о явной гедонистической направленности молодежной мотивации, которая профанирует революционный смысл протеста своими «кричалками»⁴. *Живи, не тратя время (на работу), радуйся без препятствий! Все – и немедленно! Твое счастье купили. Укради его! Распахните окна ваших сердец! Алкоголь убивает. Принимайте*

ЛСД! Скука контрреволюционна! Нет экзаменам! Звонит будильник. Первое унижение за день. В обществе, отменившем все авантюры, единственная авантюра – отменить общество! Реформизм – это современный мазохизм! Пролетарии всех стран, развлекайтесь! [1].

В-третьих, подлинные истоки бунта во многом уходят в глубины человеческого бессознательного, энергию которого смогли умело активизировать идеологи революции.

Образ врага как консолидирующий фактор мобилизации

Как уже было отмечено, революционная ситуация с точки зрения традиционного политэкономического анализа на первый взгляд выглядит странной: в благополучной и «сытой» стране, которая уверенно развивается в экономическом плане, в обществе, довольствующемся сверхприбылью в результате неокOLONиальной политики, элитарная социальная группа начинает мятеж, не ставя перед собой определенных целей, а стихия его разрушения не имеет предела.

Между тем гуманистический пафос этой революции оказывается несоизмерим и несовместим с той агрессией и разрушениями, которые бунтовщики готовы нанести несущим конструкция общества⁵. О деструктивном характере молодежного движения свидетельствуют отсутствие позитивной программы и ситуативный выбор объекта агрессии. Неслучайно не пролетариат, а именно молодежь, для которой смысл протеста отчасти состоял в самом протесте, стала объектом для манипуляции со

стороны идеологов движения, преследующих собственные цели. Идеологи и манипуляторы искусственно создают необходимые для радикализации условия, способные канализировать разрушительную энергию возбужденных студентов, направить ее на нужные объекты⁶. Не без причины в лидеры протеста авангардного студенчества и хиппующей молодежи против культуры общества потребления начинает активно выдвигаться нарциссирующий интеллектual – особый антропологический тип, возникающий в постиндустриальном обществе и вытесняющий с лидирующих позиций политическую элиту: и вождей пролетарского движения, и буржуа.

Важным социально-психологическим фактором молодежного протеста становится образ врага – ключевой атрибут общества спектакля, который выступает значимым фактором сплочения бунтарей. Враг – это буржуазное общество с его сытой и скучной стабильностью.

Замысел революции

Иосиф Бродский писал: «Плохо, ежели мир внешне изучен теми, кто внутри измучен».

Молодежная революция 1968 г. может рассматриваться как глобальный новый культурный проект, отрицающий «старую» культуру. Достаточно посмотреть на лозунги бунтовщиков, которые не вписывались в революционную идеологию в традиционном смысле. Они были хаотичными и сумбурными, при этом их объединяло агрессивное

неприятие образа жизни «отцов». Однако замысел революции родился не в головах студенческой молодежи.

Студенты стали исполнителями чужого проекта, подготовленного интеллектуальной элитой Франции. Речь идет прежде всего о философии Фракфуртской школы, лидеры которой вносят существенный вклад в развитие левой (марксистской и постмарксистской) мысли. Т. Адорно, М. Хорк-

³Студенты Гарварда во время восстания 1969 г. также начинали с революционной лексики, вывесив плакат с цитатой К. Маркса: «Философы лишь различным образом объяснили мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Однако все быстро кончилось «групповым кайфом» под колыбельные группы *The Beatles* и «заговоры» К. Кастанеды.

⁴Китайские плакаты того времени, для сравнения, отличались от слоганов студенческой молодежи Европы: *Люди всего мира, объединяйтесь для свержения американского империализма!; долой советский ревизионизм!; долой реакционеров всех стран!* (Экспорт революции / С. Кара-Мурза [и др.]).

⁵В телевизионном обращении 7 июля 1968 г., уже после завершения «революции», де Голль дал такую оценку произошедшим событиям: «Этот взрыв был вызван определенными группами лиц, бунтующими против современного общества, общества потребления, механического общества – как восточного, так и западного – капиталистического типа. Людьми, не знающими, чем бы они хотели заменить прежние общества, и обожествляющими негативность, разрушение, насилие, анархию; выступающими под черными знаменами» (Карнацевич В. Л. 500 знаменитых исторических событий. М.: Digest Media, 2014).

⁶Как известно, на начальном этапе провокационную задачу берет на себя Д. М. Кон-Бендит – гражданин Федеральной Республики Германия, изучающий социологию в Сорбонне, который завоевывает массовую популярность эпатажными лозунгами и драками с полицией. Вместе с другими провокаторами он целенаправленно разогревал студенческие массы «смесью» из марксистско-ленинских, троцкистских и маоистских речевок и цитат, которые встраивал в призывы совершить революцию здесь и сейчас, немедленно выступить против существующей системы и разрушить буржуазное общество.

хаймер и другие представители этого направления называют идеологию Просвещения тоталитарной системой⁷. Критике тоталитаризма и авторитаризма в его современных проявлениях посвящается коллективный труд «Авторитарная личность». Существенным элементом идеологии протеста становится концепция контркультуры Г. Маркузе, в которой рассматривается культура как «средство тотального угнетения биологической и социальной сущности человека». Для Г. Маркузе «прогресс культуры» проявляется в расширении функций организованного господства, что приводит к росту общей агрессии, которая творит ужасы мировых войн и концлагерей. Чтобы остановить эту антигуманную линию, надо разрушить неподходящую культуру, на смену которой придет спасительная контркультура⁸.

Для гуманитариев Западной Европы – Ж.-П. Сартра, Л. Альтюссера, А. Камю, Э. Фромма – становятся очевидным симптомы глубокого кризиса общества, в основе которого лежал «проект модерна», возникший на отрицании средневековой культурной парадигмы, включая ее институты, иерархии и традиции⁹. Генеральной линией перемен оказывается дехристианизация западноевропейского мира. Два послевоенных десятилетия оказываются для Запада точкой бифуркации. Складывается впечатление, что европейская цивилизация исчерпала потенциалы своего развития. По мнению интеллектуалов, «проект модерна» окончательно дискредитировал феномен свободы, лишив духовного смысла и девальвируя эту генетически встроенную в антро-

пологическую матрицу христианства ценность до уровня популистского клише.

Похожую инверсию в эпоху модерна переживает идея равенства, которая возводится в абсолют псевдомарксистской идеологией, разрушая иерархию ответственности и долга как ключевых принципов бытия человека и общества. Стагнирующий модерн вынужден отказаться от кейнсианской модели социального государства, которая была обеспечена социал-демократическим капитализмом с его государственным регулированием и действовала в западном мире с конца Второй мировой войны и до начала 1970-х гг. В качестве универсальной альтернативы начинает активно утверждаться неолиберальная идеология, которая становится «брендом» Запада усилиями лидеров мирового прогресса – Франции, Великобритании и США, символизируя разрыв с христианской духовной матрицей.

Духовные идеологи молодежного протеста фиксируют одну из главных опасностей модерна – приоритет разума в ущерб чувственной стихии жизни. Объявив войну фантазиям и влечениям как силам, разрушающим мыслительные матрицы ментальности, рационализм породил в человеке страх перед природными импульсами как постыдными отклонениями от общественной морали. Концепция тотального господства разума – детище Просвещения – трактуется идеологами Нового времени как основная причина раздвоения и самоотчуждения человека, которое становится болезнью современного западного общества.

Торжество постмодерна как основной итог молодежной революции

Безусловно, майская революция изменила политическую атмосферу во Франции. Она способствовала некоторой демократизации высших и средних учебных заведений, расширению возможностей для политической деятельности на территории университетов и студенческих городков. Принятый закон об ориентации увязывал действия университетов с экономической обстановкой

в стране, снижая тем самым риск безработицы для выпускников.

Однако основные результаты этой революции для Запада обнаруживаются в культурной плоскости.

Во-первых, революция отбрасывает общество во времена неолиберализма. Западную Европу накрывает «неоконсервативная волна», на фоне

⁷Характерный приговор и призыв Ж.-П. Сартра: «Отцы, не забывайте... ваши дети стали революционерами, потому что толкнула их на это ваша подлость. Объяснять вам это они не станут: слово взорвалось в мае; ваши сыновья и дочери сыты словами по горло; им больше нечего сказать взрослым, этим, как они нас называют, очерстевшим, прогнившим и забитым детям. Мы это вам растолкуем. Кто мы? Несколько взрослых, не так сильно прогнивших или яснее видящих нашу гнилость». (см. *Сартр Ж.-П. «Молодежь в западне»*; цит. по: *Сабов А. Д. От Парижа до Болотной. Мифы и последствия майской «революции сознания» 1968 года во Франции* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/id/3107/> (дата обращения: 16.03.2018).

⁸Конечно, ключевой причиной тотального отрицания духовно-нравственных матриц европейской цивилизации становятся ужасы Второй мировой войны. Эту мысль ярко выражает известная фраза Т. Адорно: «После Освенцима любая культура – всего лишь мусор» (*Адорно Т. В. Негативная диалектика*. М.: Науч. мир, 2003).

⁹О закате проекта модерна, симптомы которого чуткие гуманитарии обнаруживают во второй половине XIX в., свидетельствует уже само название книг «Сумерки идолов», «По ту сторону добра и зла» (Ф. Ницше); «Понятие и трагедия культуры», «Конфликт современной культуры» (Г. Зиммель); «Закат Европы» (О. Шпенглер); «Проклятая культура» (Т. Лессинг); «Германия и кризис европейской культуры» (А. Вебер); «Восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет); «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи» (Й. Хейзинга); «Кризис европейского человечества и философия» (Э. Гуссерль); «Неудовлетворенность культурой» (З. Фрейд); «Конец Нового времени» (Р. Гвардини).

которой «первая половина 70-х, осененная отсветом “Красного Мая”, оказалась лебединой песней европейской интеллектуальной и культурной элиты» [2].

Набирает обороты философия постмодернизма, которая начинает активно разрушать классическую рациональность модерна, уничтожать логоцентризм европейской культуры. Именно с этих позиций Ж. Деррида подвергает критике рационализм, осуждая лежащую в его основе в Европе агрессивную доминанту насилия и обладания – фаллоцентризм европейской философии и культуры, который превращает познание в овладение истиной, а открытие представляет как срывание покрывала и обнажение реальности [3]. Сущность постмодернистского текста, отличная от структурированного логоцентричного дискурса модерна, фиксируется метафорой Ролана Барта «бесовская текстура».

Во-вторых, критикуя проект модерна, идеологии революции приходят к логическому выводу о необходимости реабилитации энергий ноктурна, вытесненных в экзистенциальный подвал апполонической силой и волей эпохи Просвещения. Следы этой сексуально мотивированной логики мы находим и в лозунгах французских интеллектуалов Сорбонны, и в идеологии американских хиппи¹⁰.

Неслучайно в составе революционных лозунгов почетное место занимают *Секс – это прекрасно!* (Мао Цзэ-дун); *Оргазм – здесь и сейчас!*¹¹. В итоге революционный пафос трансформировался в разновидность контркультурного «хэппенинга», обязательными компонентами которого стали еще две революции – сексуальная и психоделическая¹². Таким образом из молодежи выпускался «революционный пар».

Соответствующая моральная база была подготовлена заранее – летом 1967 г., за год до «парижской весны», когда в пригороде Сан-Франциско встречалось стотысячное сборище хиппи, после чего этот американский город стал центром культурной революции, охватившей другие американские, а потом и европейские города (отметим мгновенную коммерциализацию контркультурной

моды хиппи с последующей раскруткой хипповского стиля, молодежной моды и продвижением брендов престижных марок одежды)¹³.

Именно такая жизненная стратегия молодежи Запада определила ключевой тренд и перспективу молодежной культуры эпохи постмодерна и до сегодняшнего дня. Это свидетельствует о том, что положенный в основу молодежной революции замысел воплотился в максимально эффективной форме для власти имущих. Контркультурная революция выполнила свои задачи по максимуму – она в значительной степени переформатировала традиционный капитализм в либеральный и окончательно утвердила культуру эпохи постмодерна, превратила общество потребления из генеральной идеи капитализма в господствующую практику эпохи.

Молодежная революция осуществляет окончательную легитимацию культурных ценностей, зародыши которых были сформированы на стадии разрушения «проекта модерна». Персонифицированным символом нового этапа европейской культуры становится Орфей (по сюжетам легенд, изобретатель большинства человеческих пороков от гомосексуализма до наркотиков), который сменяет уставшего и устаревшего Прометея, исчерпавшего свои конструктивные функции в пространстве западноевропейской цивилизации. Орфическая культура постмодерна раскрепощает природные энергии, реабилитирует языческие идеологии и практики, способствует распространению медитативно-созерцательных способов постижения мира.

Культура постмодерна отвергает рациональность и духовность, делает окончательный выбор в пользу телесности. Она разрушает традиционную культурную вертикаль общества, осуществляет реабилитацию маргинальных феноменов, помещая в центр культуры и социума периферийные и девиантные социальные типы, оправдывая это гуманизмом и соблюдением прав меньшинств в рамках либеральной концепции прав человека. Благодаря СМИ в центре общественного внимания оказыва-

¹⁰ Не случайно репетицией майского мятежа стал мини-бунт по поводу ущемления сексуальных прав студенток. Дело в том, что студентки, проживающие в мужских общежитиях, имели право приводить к себе на ночь девушек, а у жителей женских общежитий формального права приглашать на ночь мальчиков не было. Формой протеста против такой дискриминации становится бойкот экзаменов и лекций под предлогом повышения качества образования.

¹¹ Очевидцы вспоминают, что на стенах Сорбонны появилось изречение «великого кормчего» Мао Цзэдуна: «Секс – это хорошо, но не слишком часто». А рядом революционно настроенные студенты вывесили уточнение мысли: «Девственность – причина рака» (Курланский М. 1968. Год, который встряхнул мир. М.: АСТ, 2007).

¹² Функции «подсадки» молодежи на безопасный для власти репертуар выполняли механизмы массовой культуры, популяризирующие концепции типа параантропологической трансформации сознания (или психоделического мистицизма) К. Кастанеды, переориентации вектора движения значительной части протестной молодежной контркультуры в область экспериментов с «низменным сознанием» (в том числе с помощью ЛСД) и т. д.

¹³ Активно возникают различного рода психоделические движения, которые активно экспериментируют с наркотиками-галлюциногенами в целях расширения сознания. Основана «Международная федерация внутренней свободы», журнал «Психоделическое обозрение». В области музыки активно создаются психоделические стили (лидером становится известная группа *Pink Floyd*). Одним из вдохновителей создания такой культуры становится вузовский преподаватель Т. Лири, который экспериментирует с ЛСД в целях «изучения особых состояний сознания», «путешествий в глубины подсознания».

ются люди с физическими и психическими отклонениями. Фигуры фриков, извращенцев, уродов и психопатов перемещаются с периферии в центр культурной жизни, определяя стандарты искусства, моды, образа жизни.

Таким образом, 1968 год становится в определенном смысле точкой бифуркации традиционной капиталистической системы и началом утверждения неолиберальной модели капитализма. В связи с этим можно констатировать наличие кризиса кейнсианского социального государства, стремительный рост финансовой олигархии, пассивность компартий марксистско-ленинского типа, которые не смогли воспользоваться трудностями капитализма и дефолтом США, предав социалистический идеал и предпочитая революционному движению собственные социально-экономические гарантии.

В культурном плане постмодерн окончательно утверждает новую так называемую эру язычества,

раскрепощая мифологическое мировосприятие и сокращая пространство «высокой» культуры. Он погружает человека в онтологические глубины коллективного бессознательного – в тот архивированный тысячелетиями символический опыт прошлого, «разговаривая» с человеком на «мягком» языке архетипов и символов массовой культуры, запускает неподвластный сознанию резонанс пробуждения «спящих» экзистенциальных энергий, не всегда понятных для разума и опасных для душевного здоровья¹⁴.

Утверждение культуры постмодерна на европейском пространстве сегодня до предела обостряет многовековую битву двух метасистем: языческого мира культуры жрецов и сформировавшейся на базе мировых религий культуры пророков (Г. Джемаль). Это война метафизически несовместных миров идет в глубинах бытия, в ментальных матрицах человечества. Поле битвы этих систем – души и сердца человеческие.

Уроки «парижского мая»

События пятидесятилетней давности приобретают особую актуальность в сегодняшнем российском политическом контексте, особенно в связи с расширением географии «оранжевых революций» на сопредельном постсоветском пространстве¹⁵.

Итоги революции 1968 г. показывают, что энергия бунта, не имеющего поддержки в широких слоях населения и конструктивной идеи или опирающегося на внешние силы, быстро иссякает. Решающее значение в подобных ситуациях приобретает продуманная тактика властей и их политическая воля¹⁶.

Вместе с тем, «студенческая революция» 1968 г. может рассматриваться как предыстория «оранжевых революций», использующих относительно ненасильственные действия для свержения государственной власти, при ее слабости и пассивности, конечно. Особое значение имеет сам факт того, что в той или иной общественной среде при некоторых условиях может без веских фундаментальных

причин возникнуть состояние коллективного сознания, при котором возникает самоубийственно целеустремленная и тоталитарно мыслящая толпа, способная потрясти или даже разрушить жизнеустройство всей страны. Это новое явление культуры большого города, в котором возникает высокая концентрация молодежи, отделенной от мира физического труда и традиционных межпоколенческих и социальных связей [4].

Важно также, что в культуре постмодерна массовый протест не обязательно предполагает ситуацию, соответствующую ленинской формуле «низы не хотят, а верхи не могут». В информационном обществе спектакля энергия массового бунта (а точнее, безумия) может стать результатом технологий «мягкой силы», «управляемого хаоса», информационных (а точнее, концентрических) войн, способных блокировать рациональное мышление и провоцировать стихию бессознательных энергий страха и разрушения.

Библиографические ссылки

1. Революция 1968 как переворот на Западе [Электронный ресурс]. URL: <http://voprosik.net/revolyuciya-1968-kak-perevorot-na-zapade/> (дата обращения: 16.03.2018).
2. Тарасов А. In memoriam anno 1968 // Забриски Rider. 1999. № 8. С. 9–18.

¹⁴ Не случайно кумирами и духовными референтами в культуре модерна становятся А. Кроули, инициатор и лидер сатанинского движения «Телема», Э. Ш. Ла-Вэй, главарь «Церкви Сатаны» и т. д. Торжество сил хаоса и реабилитация природного начала расширяет социальную базу правого популизма, делая реальной опасностью реванша нацизма в его массовом порядке.

¹⁵ «Студенческая революция» 1968 г. иногда рассматривается как предыстория «оранжевых революций», использующих ненасильственные действия для свержения государственной власти (см.: Экспорт революции / С. Кара-Мурза [и др.]).

¹⁶ «Власти Парижа проявили выдержку, не создав необратимости в действиях студентов, не спровоцировав их на то, чтобы выйти за рамки в общем ненасильственных действий. Де Голль дал “выгореть” энергии студентов» (см.: Экспорт революции / С. Кара-Мурза [и др.]).

3. Derrida J. *Apokalypse*. Aufl. 1 / Übersetzer M. Wetzlar. Wien : Böhlau, 1985.

4. Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А. и др. Экспорт революции [Электронный ресурс]. М. : Алгоритм, 2005. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergei/karamurza_sergei_yeksport_revolyucii_yushenko_saakashvili/ (дата обращения: 16.03.2018).

References

1. [Revolution 1968 as a Reborn in the West]. URL: <http://voprosik.net/revolyuciya-1968-kak-perevorot-na-zapade/> (date of access: 16.03.2018) (in Russ.).

2. Tarasov A. In memoriam anno 1968. *Zabriski Ryder*. 1999. No. 8. P. 9–18 (in Russ.).

3. Derrida J. *Apokalypse*. Aufl. 1. Wien : Böhlau, 1985.

4. Kara-Murza S., Telegin S., Aleksandrov A., et al. *Eksport revolyutsii* [Export of the Revolution]. Moscow : Algorithm, 2005. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergei/karamurza_sergei_yeksport_revolyucii_yushenko_saakashvili/ (date of access: 16.03.2018).

Статья поступила в редколлегию 04.04.2018.
Received by editorial board 04.04.2018.